

УДК 316.37

Ленсмент А., магістр, лектор, Інститут міжнародних відносин Талліннського технологічного університету (Естонія, Таллінн), anzelika.lensment@gmail.com

**Особливості територіальної й гендерної ідентичності росіян в Естонії
та росіян у Росії**

Розглядається вплив територіальної та гендерної ідентичності на етнічну ідентичність на основі дослідження, проведеного автором в Естонії та Росії. Автор доходить висновку, що на рівень ідентичності зі своєю етнічною групою, що мешкає на своїй та на іншій території, впливає як місце проживання, так і гендерна приналежність випробуваних. Була виявлена значуща відмінність у рівні ідентичності з представниками своєї етнічної, однак іншої територіальної групи.

Ключові слова: російська діаспора, ідентичність, гендер.

Lensment A., lecturer of the Institute of International Relations of Tallinn University of Technology (Estonia, Tallinn), anzelika.lensment@gmail.com

**The features of territorial and gender identity of Russians in Estonia and
Russians in Russia**

In the article «The features of territorial and gender identity of Russians in Estonia and Russians in Russia», the impact of territorial and gender identity on ethnic identity according to studies held by author in Russia and Estonia has been considered. The ethnic identity and gender identity are researched as well. The ethnic identity is related to gender identity and vice versa is showed. The author comes to the conclusion that the level of identity with their ethnic group, living on their territory, and on the other one, contributes both the place of residence and gender identity of the subjects. It was found a significant distinction in the level of identity with their own ethnic, but the other territorial groups. The author supports the main idea by using the scales, originated from those obtained during the pilot survey as well the scales, associated with the rooted image of «typical Estonians».

Keywords: Russian Diaspora, identity, gender.

Ленсмент А., магистр, лектор, Институт международных отношений Таллиннского технологического университета (Эстония, Таллинн),
anzelika.lensment@gmail.com

Особенности территориальной и гендерной идентичности русских в Эстонии и русских в России

Рассматривается влияние территориальной и гендерной идентичности на этническую идентичность на основе исследования, проведенного автором в Эстонии и России. Автор приходит к выводу, что в уровень идентичности со своей этнической группой, живущей на своей и на другой территории, вносят вклад как место жительства, так и гендерная принадлежность испытуемых. Было обнаружено значимое различие в уровне идентичности с представителями своей этнической, но другой территориальной группы.

Ключевые слова: русская диаспора, идентичность, гендер.

(стаття друкується мовою оригіналу)

Теоретическое рассмотрение и эмпирические исследования специфики этнической идентичности в современной науке являются предметом фундаментального интереса социальной философии, социологии, психологии, культурологи, а становление концепций национальной идентичности рассматривается как приоритетное направление фундаментальных и прикладных исследований. Вместе с тем, результаты научных поисков в рамках этого проблемного поля при всей их интенсивности системно не осмыслены и ведутся в различных концептуальных срезам. Распространение глобализационных процессов требует применения междисциплинарного подхода в изучении феномена национальной и государственной идентичности, что будет способствовать углубленной концептуализации и пониманию феномена идентичности, сохранению государственной, культурной и этнической целостности, преодолению кризиса национальной идентичности.

На теоретико–методологическом уровне проблема этнической идентичности исследовалась Р.Бенедикт, К.Дюбуа, М.Мид, Дж.Хонингман, Н.М. Лебедевой, Г.У. Солдатовой, Т.Г. Стефаненко. В настоящей статье

предлагается проанализировать особенности территориальной и гендерной идентичности русских и эстонцев на материале исследования, проведенного автором совместно с Е.Улыбиной и И.Ахмет в 2009 г. в Эстонии и России [1;2].

Выборку составили представители русской диаспоры в Эстонии (далее используется сокращение «РЭ», 232 чел., из них 140 женщин и 92 мужчины), которые выросли и личностно сформировались после восстановления независимости (1991 г.), то есть либо родились в Эстонии (более 90% выборки), либо прибыли в Эстонию вместе с родителями в очень раннем возрасте (до трех лет). В исследовании принимали участие молодые люди, знающие эстонский язык лишь на уровне бытового общения и обучающиеся на русском языке. В контрольную группу вошли студенты Белгородского государственного университета г. Белгорода (далее используется сокращение «РР», 260 чел., из них 169 женщин и 91 мужчина). Все студенты, возраст которых составлял от 18 до 20 лет, обучались на тот момент на социо–гуманитарных факультетах, Этническая принадлежность определялась по самоопределению, русскими считались испытуемые, идентифицирующие себя как русские.

Мы исходим из того, что этническая и гендерная идентичность имеют во многом общую природу. Они воспринимаются как врожденные, неотъемлемые. Их содержание во многом задается культурой, то есть это конструируемые категории. Исследования этнической и гендерной идентичности проводились Г.Хофстеде, Г.Триандисом, Ш.Шварцом, Н.М. Лебедевой и др. Однако в указанных научных исследованиях связь категорий «национальная идентичность» и «гендерная идентичность» не рассматривалась, а только этнические различия в гендерной категоризации и дифференциации. Однако связь названных категорий этим не исчерпывается и имеет более глубокие основания и широкие следствия. И этнические, и гендерные границы опираются на традиции и сложившиеся стереотипы. В культурах существуют представления о различиях в поведении, месте в социуме и личностных чертах мужчин и женщин, а также представления о различии между самими культурами и различии в поведении и личностных чертах представителей

разных культур. Представления о гендерной дифференциации и о «культурно-специфическом поведении», существующие в разных культурах, могут не совпадать и находиться в противоречиях. Эта связь между этническими и гендерными стереотипами определяется пересечением представлений о гендерных и этнических различиях, что может быть представлено в пересечении набора личностных черт. Если представления о гендерных и этнических различиях не совпадают с представлениями о наборе личностных черт, то это приводит к проблемам этнической идентичности.

Для проверки гипотезы о больших межгендерных различиях у живущих в Эстонии русских был использован дисперсионный анализ с повторными измерениями. Шкалы создавались с опорой на характеристики, полученные в ходе пилотажного опроса и ассоциативно связанные с образом эстонца. В качестве независимых переменных рассматривались пол и место жительства испытуемых. Зависимой переменной выступали показатели групповой идентичности: 1) с типичным представителем своей территориальной и гендерной группы (для русских юношей, живущих в России, – с типичным русским мужчиной, живущим в России; для русских девушек, живущих в России, – с типичной русской женщиной, живущей в России; для юношей, живущих в Эстонии, – с типичным русским, живущим в Эстонии и пр.); 2) с представителем другой территориальной группы своего гендера; 3) с представителем другой территориальной и другой гендерной группы; 4) своей территориальной и другой гендерной группы. Для оценки уровня идентичности с территориальными и гендерными группами оценивался уровень сходства образа «Я» испытуемых с образом представителя соответствующей группы.

Идентичность со своей территориальной, этнической и гендерной группой. Территориально-этническая идентичность определялась нами как уровень близости с образом типичного представителя своей этнической и территориальной группы. Рассматривались различия между юношами и девушками в идентичности к территориально-этнической группе и зависимость идентичности от пола и места жительства. Была осуществлена проверка

территориально–этнической идентичности со своей гендерной группой на соответствие нормальному распределению. Полученное распределение шкалы не соответствует нормальному (тесты Колмогорова–Смирнова и Лиллиефорса). Это предопределило использование в дальнейшем непараметрических критериев. На основе статистического анализа (таблицы 1 и 2) можно сделать такие выводы относительно проявления территориальной и гендерной идентичности у мужчин и у женщин:

- 1) мужчины, живущие в Эстонии и России, не различаются по уровню сходства со своей территориальной группой;
- 2) мужчины, живущие в Эстонии и России, не различаются по уровню сходства с образом типичного эстонского мужчины;
- 3) мужчины, живущие в Эстонии и России, не различаются по уровню сходства с образом типичного европейца.

Табл. 1

Территориально–этническая идентичность мужчин, живущих в Эстонии и России (тест Манна–Уитни и Z–тест)

	Rank Sum	Rank Sum	U	Z	p-level	Valid N	Valid N
Мужчины	РР	РЭ				РР	РЭ
Я–европеец	6341	7189	3003	1,05	0,29	73	91
Своя территориальная и этническая группа, свой гендер	5920	7609	3219	–0,34	0,74	73	91
Другая территориальная группа, своя этническая группа, свой гендер	6843	6686	2500	2,72	0,01	73	91
Другая территориальная, другая гендерная группа	6269	7261	3075	0,82	0,41	73	91
Своя территориальная, другая гендерная группа	7362	6168	1982	4,43	0,00	73	91
Эстонец своего гендера	6262	7268	3082	0,79	0,43	73	91
Эстонец другого гендера	6074	7456	3270	0,17	0,86	73	91

Примечание к таблицам. Rank Sum – сумма рангов, U – статистика Манна – Уитни, p-level – вероятность ошибки при отклонении нулевой гипотезы, Z – нормальная аппроксимация статистики Манна – Уитни, Valid N – численность ответивших испытуемых. Статистически значимые различия выделены серым цветом.

Существует статистически значимое различие в уровне идентичности с представителями своей этнической, но другой территориальной группы. Юноши, живущие в Эстонии, обладают меньшим субъективным сходством с русскими, живущими в России, чем живущие в России по отношению к живущим в Эстонии. Положение этнического меньшинства не формирует большую или меньшую идентичность по отношению к собственной этнической группе. Территориальная идентичность проявляется в ощущении меньшего сходства своей группы с русскими, живущими в России. Кроме того, у эстонских русских юношей большее, чем у российских юношей, представление о гендерных различиях в своей группе. Живущие в России и Эстонии русские женщины не различаются по уровню сходства с представителями своей этнической и территориальной группы и представителями другой территориальной группы. Но живущие в России женщины демонстрируют большее сходство с образом типичного мужчины, живущего в России, чем живущие в Эстонии женщины – с русским мужчиной в Эстонии.

Табл. 2

**Территориально–этническая идентичность женщин, живущих в Эстонии и России
(тест Манна–Уитни и Z–тест)**

	Rank Sum	Rank Sum	U	Z	p–level	Valid N	Valid N
Женщины	РР	РЭ				РР	РР
Я–европеец	15565	14081	6112	–2,11	0,03	137	106
Своя территориальная и этническая группа, свой гендер	15978	13668	6525	–1,35	0,18	137	106
Другая территориальная группа, своя этническая группа, свой гендер	15868	13778	6415	–1,56	0,12	137	106
Другая территориальная, другая гендерная группа	16568	13078	7115	–0,27	0,79	137	106
Своя территориальная, другая гендерная группа	18921	10725	5054	4,06	0,00	137	106
Эстонец своего гендера	18407	11239	5568	3,12	0,00	137	106
Эстонец другого гендера	18427	11219	5548	3,15	0,00	137	106
Русская женщина в России	16967	12679	7008	0,466	0,642	137	106

Существуют значимые различия в уровне сходства с образом типичного европейца – женщины, живущие в Эстонии, описывают себя значимо более похожими на свой образ европейца ($U=6112$, $p=0,034$), а женщины, живущие в России, считают себя более похожими на эстона, чем живущие в Эстонии ($U=5568$, $p=0,002$) и на эстонцев ($U=5548$, $p=0,002$). Кроме того, живущие в Эстонии женщины в большей степени ощущают гендерные различия по отношению к представителям своей группы, чем живущие в России (таблица 3).

Табл. 3.
Территориально–этническая идентичность русских, живущих в России, женщины и мужчины (тест Манна–Уитни и Z–тест)

	Rank Sum	Rank Sum	U	Z	p-level	Valid N	Valid N
Русские в России	Ж	М				ж	м
Я–европеец	14901	7254	4553	1,07	0,29	137	73
Своя территориальная и этническая группа, свой гендер	15475	6680	3979	2,44	0,01	137	73
Другая территориальная группа, своя этническая группа, свой гендер	15023	7132	4431	1,36	0,17	137	73
Другая территориальная, другая гендерная группа	15110	7045	4344	1,57	0,12	137	73
Своя территориальная, другая гендерная группа	13868	8287	4415	–1,4	0,163	137	73
Эстонец своего гендера	16262	5893	3192	4,31	0,00	137	73
Эстонец другого гендера	15462	6693	3992	2,40	0,016	137	73

Женщины, живущие в России значимо больше, чем мужчины, считают себя похожими на типичного представителя своей территориальной, этнической и гендерной группы. И, одновременно, в большей степени похожими на эстона, чем мужчины, на эстонца (таблица 4).

Табл. 4
Территориально–этническая идентичность русских, живущих в Эстонии, женщины и мужчины (тест Манна–Уитни и Z–тест)

	Rank Sum	Rank Sum	U	Z	p-level	Valid N	Valid N
Русские в Эстонии	Ж	М				ж	м
Я–европеец	12202	7301	3115	4,281	0,00	106	91
Своя территориальная и этническая группа, свой гендер	11804	7699	3513	3,28	0,00	106	91

Другая территориальная группа, своя этническая группа, свой гендер	12645	6858	2672	5,39	0,00	106	91
Другая территориальная, другая гендерная группа	11579	7924	3738	2,72	0,01	106	91
Своя территориальная, другая гендерная группа	10534	8969	4783	0,10	0,92	106	91
Эстонец своего гендера	11314	8189	4003	2,05	0,04	106	91
Эстонец другого гендера	10534	8969	4783	0,10	0,92	106	91

Живущие в Эстонии мужчины и женщины в основном значительно различаются по уровню сходства со всеми рассмотренными образами. Они не различаются в уровне сходства с эстонцем другого гендера, но женщины считают себя значительно больше похожими на эстонку, чем мужчины – на эстонца.

Женщины, живущие в России и Эстонии, не различаются по уровню сходства с представителями своего гендера, принадлежащего к своей этнической группе, живущими как на одной с ними территории, так и на другой территории, но женщины, живущие в Эстонии, значительно отличаются от мужчин в идентичности как со своей, так и с другой территориальной группой, а живущие в России женщины отличаются от мужчин большим сходством со своей территориальной и гендерной группой. Эмпирические данные позволяют говорить о том, что уровень идентичности со своей этнической группой, живущей на своей и на другой территории, определяется как местом жительства, так и гендерной принадлежностью испытуемых. Юноши и девушки, живущие в Эстонии, различаются по уровню идентичности как с эстонскими русскими, так и с российскими русскими. Женщины демонстрируют большую идентичность со всеми видами групп, тогда как мужчины отмечают меньшее сходство образа Я и образов представителей других групп.

Полученные результаты могут быть объяснены как *возможной меньшей значимостью групповой идентичности для женщин, так и отсутствием у мужчин приемлемого представления о своей социальной группе*. Как показал анализ, мужчины и женщины демонстрируют *разный уровень сходства с*

представителями одной территории разного пола. Когда женщины показывают сходство с русскими женщинами, живущими на другой территории, то оно складывается из сходства с представителями и своего этноса, и своего гендера.

Территориальная идентичность. Испытуемые описывали образы русских, живущих в России и Эстонии, представителей своего этноса, живущих на одной с ними территории и на другой территории. Русские, живущие в Эстонии и живущие в России, имеют общую этническую принадлежность, но различаются по территориальной принадлежности. Живущие в России и Эстонии юноши и девушки могут отмечать большие или меньшие различия между русскими, живущими в России и русскими, живущими в Эстонии. Образ Я испытуемых может обладать большим или меньшим сходством с представителем как своей, так и другой территории.

Предполагалось, что при наличии различий в этих образах образ представителя своей территориальной группы должен иметь большее сходство с образом Я, чем образ представителя другой территориальной группы как у живущих в России, так и у живущих в Эстонии. Уровень различия идентичности с представителем своей и другой территории соответствует «территориальной идентичности», отражающей степень идентификации с представителями именно своей территориальной группы. Для русских, живущих в Эстонии – это показатель формирования единства с собственной территориальной группой в отличие от группы русских, живущих в России.

Для того, чтобы рассмотреть отдельно вклад групповой идентичности без учета гендерной идентичности были осуществлены следующие преобразования. Вычисление показателя преобладания сходства с представителем своей территориальной группы осуществлялось по следующей формуле:

$A - B$, где:

A – среднее от уровня сходства с представителем своей территории, своего этноса и своего гендера и уровня сходства с представителем своей территории,

своего этноса и другого гендера. Эта операция позволяет получить значение уровня сходства с представителем своей территории при обобщенных гендерных свойствах;

В – среднее от уровня сходства с представителем другой территории, своего этноса своего гендера и другой территории, своего этноса другого гендера. Эта операция позволяет получить значение уровня сходства с представителем другой территории при обобщенных гендерных свойствах.

Разницу значений А и В составляет уровень преобладания с представителем своей территории над сходством с представителем другой территории.

Распределение показателей преобладания сходства с представителем своей территории над сходством с представителем другой территории соответствует нормальному. Проверка на гомогенность дисперсии уровня преобладания сходства с представителем своей территории над сходством с представителем другой территории с помощью критерия Левина позволяет использовать дисперсионный анализ по отношению к данным.

Дисперсионный анализ показал, что пол и место жительства оказывают значимое влияние на территориальную идентичность, а взаимодействие пола и места жительства не оказывают значимого влияния. Анализ результатов показал, что гипотеза не подтвердилась. Живущие в Эстонии мужчины и женщины описывают себя более похожими на русских, живущих в России, чем на русских, живущих в Эстонии. У женщин эта тенденция выражена больше ($F=9,483$, $p=0,002$), чем у мужчин ($F=0,328$, $p=0,568$), которые не различаются по уровню территориальной идентичности. Территориальная идентичность женщин, живущих в России в среднем близка нулю ($M=0,004$, $SD=0,297$), т.е. они приблизительно в равной степени чувствуют сходство с русскими, живущими в России и русскими, живущими в Эстонии. У женщин, живущих в Эстонии, сходство с русскими, живущими в России, преобладает над сходством с русскими, живущими в Эстонии ($M=-0,109$, $SD=0,261$).

Приведенные данные показывают, что без учета взаимодействия идентичности с гендером, женщины, живущие в России и Эстонии, не различаются по уровню сходства с представителями своей этнической группы, живущими на своей и на другой территории. Полученные результаты позволяют говорить, что по предложенным критериям для русских, живущих в России, образы соотечественников, живущих в Эстонии, не имеют существенного отличия от образов русских, живущих в России. Большее сходство живущих в Эстонии женщин с русскими, живущими в России, может быть объяснено отсутствием достаточно четкого и принимаемого образа русских в Эстонии.

В России различия в уровне территориальной идентичности между юношами и девушками не значимы ($F=0,281$, $p=0,597$), в Эстонии – у юношей территориальная идентичность значимо выше, чем у девушек ($F=8,676$, $p=,004$), но при этом среднее значение приблизительно равно нулю ($M=0,002$, $SD=0,263$). То есть доля идентичности с собственной территориальной и этнической группой в общей идентичности представлена очень слабо. Это подтверждает общую гипотезу о больших гендерных различиях в групповых идентичностях у живущих в Эстонии.

У живущих в России девушек территориальная идентичность значимо связана с оценкой себя как безответственных ($r=0,20$, $p=0,022$) и обратно связана с оценкой себя как трудолюбивых ($r=-0,26$, $p=0,002$). То есть девушки отмечают сходство с типичным представителем своей территории в той мере, в которой они считают себя безответственными и не трудолюбивыми.

У юношей, живущих в России, территориальная идентичность значимо связана с оценкой себя как: открытых ($r=0,40$, $p=0,000$), активных ($r=0,28$, $p=0,016$), законопослушных ($r=0,28$, $p=0,017$), счастливых ($r=0,26$, $p=0,025$), быстрых ($r=0,24$, $p=0,042$), и обратно связана с характеристикой себя как замкнутых ($r=-0,34$, $p=0,003$) и законопослушных ($r=-0,24$, $p=0,038$).

У живущих в России мужчин и женщин содержание качеств, по которым определяется в данном исследовании сходство с типичным русским, не

совпадает. *Даже если речь идет не о сходстве с представителем своего гендера, мужчины и женщины выстраивают территориальную идентичность с опорой на разные личностные характеристики.* Эти связи отражают совпадения в характеристике себя как представителя определенной территориальной и этнической группы и субъективной характеристике представителя этой группы.

У живущих в Эстонии женщин территориальная идентичность имеет только отрицательные значения, соответствующие идентификации с противоположной территориальной группой – с группой живущих в России (или что можно рассматривать как «не идентификацию» со своей территориальной группой»). Согласно представлениям женщин, этот образ строится как отрицание (противоположность) качеств, обычно входящих в стереотипное представление об эстонском характере. Противоположными территориальной идентичности является оценка себя как быстрых ($r=-0,31$, $p=0,001$), эмоциональных ($r=-0,22$, $p=0,022$), активных ($r=-0,39$, $p=0,000$), самостоятельных ($r=-0,23$, $p=0,017$), а соответствующими территориальной оценка себя как медлительных ($r=0,27$, $p=0,006$), холодных ($r=0,19$, $p=0,047$), законопослушных ($r=0,28$, $p=0,004$), пассивных ($r=0,30$, $p=0,002$), подчиненных ($r=0,22$, $p=0,024$). То есть женщины в той мере не идентифицируют себя с территориальной группой, в которой они оценивают себя как активных и самостоятельных, а не холодных и законопослушных.

У живущих в Эстонии мужчин территориальная идентичность связана с характеристикой себя как замкнутых ($r=0,28$, $p=0,007$), медлительных ($r=0,24$, $p=0,022$), холодных ($r=0,26$, $p=0,014$) и обратно – как быстрых ($r=-0,23$, $p=0,026$). В целом значимые характеристики отражают общий уровень активности субъекта, что имеет отрицательную связь с идентичностью со своей территориальной группой.

Гендерная идентичность (идентичность с гендерной и этнической группой без учета территориальной идентичности). Показатель гендерной идентичности рассчитывался нами как разница между: (А) средним значением

идентичности с представителем своей территории своего этноса и своего гендера и идентичности с представителем другой территории своего этноса своего гендера и (В) средним значением идентичности с представителем другой территории своего этноса другого гендера и идентичности с представителем другой территории своего этноса другого гендера.

Показатель А отражал обобщенную идентичность со своим гендером при усредненной территориальной идентичности, показатель Б – обобщенную идентичность с другим гендером при усредненной территориальной идентичности. Разница А и Б отражала преобладание идентичности со своим гендером над идентичностью с другим гендером.

Анализ связи территориальной и гендерной идентичности показал, что между гендерной идентичностью и территориальной идентичностью существует значимая связь в каждой из рассмотренных территориальных и гендерных подгрупп. У русских женщин в России гендерная идентичность обратно связана с территориальной идентичностью ($r=-0,22$, $p=0,010$). У русских мужчин в России гендерная идентичность прямо связана с территориальной идентичностью ($r=0,34$, $p=0,003$). У русских женщин в Эстонии гендерная идентичность обратно связана с территориальной идентичностью ($r=-0,34$, $p=0,000$). У русских мужчин в Эстонии гендерная идентичность так же обратно связана с территориальной идентичностью ($r=-0,22$, $p=0,036$).

Те качества, которые девушки связывают с образом русской женщины, обратно связаны с образом «типичного русского в России» и прямо связаны с тем, что юноши связывают с образом типичного русского мужчины. У живущих в Эстонии и юношей и девушек образ типичного русского в Эстонии не соответствует принимаемым гендерным характеристикам – гендерная идентичность не соответствует территориальной.

Дисперсионный анализ с повторным измерением показал, что в подвыборке русских, живущих в России, пол вносит значимый вклад в уровень идентичности только при взаимодействии с типом идентичности ($F=7,286$,

$p=0,000$) и не вносит самостоятельного вклада в уровень сходства с территориальными и гендерными группами ($F=1,495$, $p=0,223$).

В подвыборке русских, живущих в Эстонии, пол вносит значимый и самостоятельный вклад в уровень сходства с территориальными и гендерными группами ($F=14,988$, $p=0,000$) и при взаимодействии с типом идентичности ($F=9,804$, $p=0,000$). Юноши и девушки, живущие в Эстонии, демонстрируют большие межгендерные различия в сходстве образа Я с образами представителей территориальных и гендерных групп, то есть большие различия в типах идентичности.

Таким образом, можно сделать вывод, что в уровень идентичности со своей этнической группой, живущей на своей и на другой территории, вносят вклад как место жительства, так и гендерная принадлежность испытуемых.

Было обнаружено значимое различие в уровне идентичности с представителями своей этнической, но другой территориальной группы. Очевидно, что положение этнического меньшинства не формирует большую или меньшую идентичность по отношению к собственной этнической группе. Территориальная идентичность русских в Эстонии проявляется в ощущении меньшего сходства своей группы с русскими, живущими в России.

Список использованных источников

1. Улыбина Е. Объективные и субъективные факторы отношения этнического меньшинства к этническому большинству / Е.Улыбина, А.Ленсмент, И.Ахмет // Журнал Высшей школы экономики. – 2010. – №6 (4). – С.94–102.
2. Улыбина Е. Связь базовых убеждений с отношением к представителям аутгруппы на примере отношения русских к эстонцам / Е.Улыбина, А.Ленсмент, И.Ахмет // Человеческий фактор: Социальный психолог. – 2009. – №2 (18). – С.138–151.

References

1. Ulybina E. Ob'ektivnye i sub'ektivnye faktory otnoshenija jetnicheskogo men'shinstva k jetnicheskomu bol'shinstvu / E.Ulybina, A.Lensment, I.Ahmet // Zhurnal Vysshej shkoly Ekonomiki. – 2010. – №6 (4) – S.94–102.

2. Ulybina E. Svjaz' bazovyh ubezhdenij s otnoshenijem k predstaviteljam autgruppy na primere otnoshenija russkih k jestoncam / E.Ulybina, A.Lensment, I.Ahmet // Chelovecheskij faktor: Social'nyj psiholog. – 2009. – №2 (18). – S.138–151.